

Алексей Колесников

ДВА РАССКАЗА

В ГОСТИ К ХВОРОВУ

Таким странным был этот бегун в шортах с триколором. Казалось, что в пространство хмурого летнего утра втесался призрак, который несетя теперь сквозь неясность затянувшего парк тумана. Коротенькие белые ножки мечтали сбросить с себя вышедшие из моды белые кроссовки, а красная футболка, утопающая в ложбинке солнечного сплетенья, уже порядочно намокла и пропиталась едким потом. У бегунов на короткие дистанции такой безапелляционно вонючий пот, что неловко уловив его, хочется согнуться в унижительную позу и вытошнить легкими вобранный воздух.

Хворов сдержал приступ тошноты, убедив себя, что вонь человеческого тела ему померещилась. Невозможно уловить запах людского тлена, находясь на балконе третьего этажа шестиэтажного дома. Померещилось, да и все. Нарушение работы рецепторов, вызванное бессонной ночью. Информация, проникающая в организм через органы зрения, заблудилась спяну и метнулась в кабинет обоняния. Никто ее, дуру пьяную, там не ждал. Пошла! Вон отсюда! Стучаться надо!

Хворов проследил за удаляющейся фигурой бегуна: тот окончательно утонул в тумане и исчез, проведя символическую черту между рассветом и тьмой.

«Вот так, Анатолий Иванович, вот так. Рассвет, стало быть... Рассвет. Лег бы ты спать, чего себя мучить-то?» — размышлял Хворов, ковыряя ногтем мизинца ссадину на локте. Ему не хотелось спать. Где-то в центре его организма не унималась выпивка. Ей было тесно в Хворове. Скучно без кислорода, стоило только вдохнуть поглубже и...

Раздался резкий, противный, клокочущий звук. Кто-то ломился в дверь. Хворов шагнул в просторную комнату, оставив балконную дверь открытой. Босые ноги ощутили радость от свидания с ковром.

— Кто? — коротко спросил Хворов.

— Смерть, — донеслось из-за двери.

Хворов посмотрел на время: половина восьмого.

— Почему так рано?

— Не устраивай сцен. Я на то и смерть, чтобы удивлять.

— Удивляет жизнь, — ответил Хворов, отпирая деревянную с облезшей краской дверь.

— Ну, я войду, что ли? Убрано у тебя? — спросила Смерть, коврыгая босой грязной ногой плетеный половик.

— Уберут скоро.

— И чего ты только не съехал отсюда? Скворечник, а не квартирка. Я вот вчера к одному мужчине деловому приходила, так он меня принимал в роскошном кабинете. И, знаешь, все у него там шик да блеск: красное дерево, да такое добротное, что хоть оставайся и живи.

— Оставалась бы, — грустно усмехнувшись, ответил Хворов.

Смерть посмотрела на Хворова и жалобно оскалилась:

— Ну, чего мы надулись? Надулись мы чего? Не рад мне!? Не рад! Ах ты, мой бедный, боишься, наверное? Жалко нам себя, да?

— Нет, — непринужденно ответил Хворов, натягивая пахнущий стиркой свитер.

Смерть схватила Хворова за руку и предостерегла:

— Не надо. Не надо свитер. Так будь! Вон какой в маечке хороший.

Хворов посмотрел на свое отражение в старинном зеркале и не нашел свой вид привлекательным: майка с надписью «Love» и вытертые до кипенного цвета джинсы. Разве что босой.

— Сразу начнем или поговорим? — толкая Хворова в бок, спросила Смерть.

Хворову стало как-то весело. Ему нравился задорный тон Смерти, однако, как только она, шаркая босыми ногами, вошла, он ощутил непонятную тесноту, такую, какая бывает во сне.

— Давай поговорим. Тебе сколько лет?

— У! — надулась Смерть. — Ну какое твое дело? Тоже мне, мужчина...

— Кстати, — перебил ее Хворов, — ты мужчина или женщина?

— Поздно думать о таких вещах, дорогуша! — грозно ответила Смерть, однако видно было, что она подсмеивается над человеком. Сууровость ее была наигранной, шушливой.

Вообщее Смерть вела себя так, будто она незнакомая, дурно воспитанная тетя, которой доверили малыша с грустными голубыми глазами. Хворов был терпеливым и очень смелым человеком. Его не

раздражали ужимки и колкости Смерти, а ее глуповатая улыбка на мертвом, холодном лице не пугала.

— Не боишься меня, да, мой хороший? — спросила Смерть, усаживаясь боком к кухонному столу.

Хворов покивал.

— Это правильно, чего меня бояться? — Смерть почесала голую лодыжку длинной рукой. — Нужно бояться того, что будет после того, как я от тебя уйду.

— А что будет?

— А то! Я тебе не отвечу! Считаю, для того и пришла, чтобы ты спросил, а я бы не сказала. Вот так вот!

— Но... — начал Хворов, но Смерть его перебила:

— Ты должен был решить, что будет после того, как я уйду, до моего прихода, а теперь уже поздно, милый мой.

Хворов зажег спичку, подошел к плите, открыл газ и поднес спичку. Дрожащей рукой поставил старый чайник на горящий цветок.

Смерть одобрительно кивнула, будто только этого и ждала.

— А чего ты одета в серое? Мне когда во сне сказали вчера, что ты придешь, то я представил тебя старухой в черных одеждах.

— Да что ты, — махнула рукой Смерть. — Чего только не представляют: и черепа, и гадюку в кувшине, и мужика с копытами, а все чушь одна. Видишь, не очень-то я и старуха, и собой почти хороша. Ах да, а в сером я оттого, что я не зло, я только этап.

Смерть замолчала так резко, будто испугалась, что проговорится. Не придумав, как себя вести, она глупо, как испорченный ребенок, улыбнулась и покачала головой, не сводя глаз с Хворова.

Хворов, смущаясь, как перед женщиной в бане, потрогал свое лицо руками.

— Я могу что-то для тебя сделать? — спросил Хворов, неожиданно даже для самого себя.

Смерть от удивления подняла свои белые густые брови и хлопнула ладошками по худым коленкам:

— Вот тебе раз! Нашелся помощник! Да, сделай: сбегай в соседний дом и ребеночка там забери, а то он в агонии уже лишний час ждет, пока мы тут лясы точим.

Хворов вздрогнул и отвернулся.

Смерть будто осознала свою бестактность и оборвала речь. Зашептала что-то свое, тихое и волнующее.

Они помолчали, а потом Смерть сказала:

— Тебе нужно... это?

— Что это?

— Ну, это. — Смерть показала глазами на угол кухни.

Хворов не понял сначала, а потом опомнился:

— А можно!?

— Да, — ласково ответила Смерть.

Хворов оживился, зашагал по комнате, присел на стул, встал и опять прошелся.

— Так, может, сначала чаю? — спросил он наконец.

Смерть отрицательно покачала головой:

— Чайник останется на плите. Кстати, надень свисток.

Хворов понял, но не испугался. Выполнил указание.

— Идти? Или мне прямо при тебе?

— С ума, что ли, сошел? Иди в другую комнату. Я подойду, когда закончишь.

Хворов кивнул, как писатель, что ставит восклицательный знак на печатной машинке, и вышел из кухни.

Он вернулся в ту комнату, где был выход на балкон. В ней было свежо и солнечно.

Хворов услышал нарастающий свист чайника и сообразил, что нужно спешить.

Подняв глаза и уставившись в пустой с паутиной угол, ровным, смиренным и вкрадчивым голосом он начал: «Отче наш... »

В ДВЕРЬ СТУЧАТ

Летним вечером вторника я ел из чистой посуды поджаренную, пахнущую обреченностью свинину. Любое проявление бытия говорило о неминуемой беде: несла нездоровым потом майка, в советском холодильнике скисло молоко, хрипела мокрота в легких, утекала вода из сломанного в ванной крана. А еще соседка — рано состарившаяся женщина в дырявом халате. Перед рассветом мы встретились с ней у ржавого мусорного бака в задушенном машинами дворе, и она сказала, что тучи в небе к дождю или к снегу.

— К снегу? — переспросил я, притаптывая кедом июльскую траву.

— Вон, бачишь, яки щеки в нэби? Це значить, шо Бог дасть или снугу, или дождю. Вон як, сукины сыны, понабухалы.

— Летом не бывает снега, — ответил я, вглядываясь в тяжелое, подсвеченное первыми лучами солнца небо.

Тетка вытянула вперед подбородок с седым волоском и ничего не ответила. Медленно, как тень, поползла к двери подъезда.

Комок старых тряпок с кукольной седовласой головой. Она всегда меня пугала, а ее дремучий суржик всегда напоминал мне языческие заклятия.

Окна были открыты, когда зашумел яростный дождь. Серый, могучий ливень. Он был таким громким, что я вовсе не услышал, что в дверь звонят.

Сначала гремела сирена звонка, потом стали стучать, тихонько так, будто это не менты, а заблудившиеся дети. Я все понял сразу, я только этого и ждал. На всякий случай я бросился к окну. Внизу все было правильно: моложавый ментовский «уазик» тарыхтел под окнами. Мок под ливнем. Я подумал, что, может быть, меня и не станут арестовывать, раз не спрятали ментовскую машину, но тут же осекся. Рассуждать в час неминуемой беды оптимистично — признак духовной незрелости.

Я задумался. Заволновался.

Бежать некуда. Драться с ментами не хватит сил — они пришли за мной всей стаей. Прыгнуть в окно? Нет. Высоко. Притвориться, что меня нет дома? Нет. Они знают, что я дома. Знают.

Я выдохнул и прикинул, сколько мне осталось. Ерунда. Минут пять не больше, а дальше финал младости.

В дверь стали стучать взрослее. Мужские, волосатые кулаки, не жалея костей, мяли дверь из тонкого металла.

Осталось меньше, чем пять минут.

Значительно меньше.

В моей квартире пахло мясом, о котором я на миг забыл. Жирная свинина, приготовленная в старой чугунной сковороде под крышкой, с луком, отдает чем-то смелым и наглым. Чем-то очень живым.

Подленькие мысли о возможном спасении терзали меня изнутри. Грандиозный лабиринт возможностей возник в моей буйной голове, да такой, в котором мог заблудиться каждый.

Нет уж, если и построил самый совершенный лабиринт, то будь добр, выход из него сделать не только заметным, но и привлекательным.

Выхода не было.

Я решил, что в оставшееся время нужно дожрать свою порцию. Я не имею право оставить свой ужин мухам — они для него ничего не сделали. За эту свинину меня лишат свободы, отправят в пространство серых стен. Мне будет там больно и холодно, я буду болеть и мечтать о свободе. А что есть свобода? Сегодня — это свинина, поджаренная на чугунной сковороде под крышкой, с луком.

Я ждал, пока начнут ломать дверь. Шуму больше не мешал дождь. Стихия пала ниц перед человеческой волей.

«Какие-то недейственные у них методы. Они не смогли вырвать замок с первого раза. Какие-то неопытные», — рассуждал я, запихивая в рот куски свиньи.

Я начинаю быстрее жевать. Вкус пропадает, но качество насыщения остается прежним. Мне достаточно того, что я становлюсь сыт. Я довольствуюсь и горжусь тем, что наедаюсь, развалившись на границе между человеком и животным.

Помню, что решил так: «Пусть беда меня застанет таким, какой я теперь, нечего перед ней прихорашиваться».

Два месяца назад меня выгнали с работы. Не хочу вдаваться в подробности. Причина моего увольнения очевидна для моего начальства и для меня, в общем-то, тоже. Меня выгнали потому, что фирма стала нести убытки. Балласт вроде меня должен быть выброшен в морскую пучину, а капиталистический корабль с загаженным капитанским мостиком отправляется дальше, навстречу своему коварному айсбергу.

Разбейтесь об айсберг скоты, захлебнитесь соленым морем!

Мне наплевать меньше, чем я рассчитывал, но это ничего.

Еще меня обманули с расчетными. Обманули. Меня, знающего огромные куски из «Фауста» наизусть, обманули! Сволочи, гнилые коммерсанты, отупевшие к своим тридцати годам и забывшие совершенно о том, что Божий суд — самое страшное, что случится с каждым из нас. Там не принимают рубли. Все помыслы и намеренья тому суду уже известны, и плешивый адвокат там ничего не значит.

Одну минуту. Нужно разобраться, с кем я имею дело. Вы же понимаете, что это отсылка к Лермонтову? Или вы тоже та часть моего поколения, которую смогли одурочить и внушить, что самое главное знание — это то, которое главное сегодня, сию минуту?

Это не напускной снобизм. Сегодняшнее большинство уже не знает стихов Лермонтова — не питайте иллюзий.

Итак, я невольник чести! Я мог бы сохранить работу. Шанс был. От меня требовалось, чтобы я лучше полировал пятки моему начальнику, но вопрос такой возможности передо мной даже не стоял.

Сегодня мне двадцать пять лет, пять месяцев и восемь дней. За этот срок я усвоил, что по-настоящему прогибаются один раз, а остальное уже гимнастика.

У меня престижное образование, полученное за деньги. По ЕГЭ меня не взяли. Был высокий конкурс. Я не побеждаю в конкурсах никогда, потому что соревнование — это спор между равными, результат которого определяется четко оговоренными критериями.

Я не равен окружающим и критериев их не признаю. Таким я на свет родился, что ж тут поделать. Примите меня таким. Я опускаю лысую голову. Кланяюсь вам. Примите меня таким. Я подкидыш. Вы же такие чуткие, простите меня и возьмите к себе.

Никогда?

Знаю, знаю! Я пошутил. Расслабьтесь.

Два месяца я жил, голодая. Тратил скопленные деньги, экономил, как мог.

Если бы вы знали, как я ненавижу деньги. Вернее, идею денег. Идея денег отвратительна — вот вам мое завещание. Я призираю каждого из вас, кто падает перед идеей денег ниц. Вы противны мне, как гной из носа сифилитика, приставший к башмаку.

Я варил супы из дешевой курицы, курил сигареты с селитрой и не брезговал плесневелым хлебом. Гулял в пустом парке моего крошечного города и ненавидел всех. Перечитывал старые книги.

Ночами я разгружал подгнившие овощи, но заработка хватало только на то, чтобы оплатить съемную квартиру. Я страдал от голода и простуды, которую не на что было лечить.

Сильный, умный, смелый мужчина — я плакал ночами и молился Богу. Я просил у него покоя. В то, что Бог обеспечивает достаток, я не верю, уж простите.

Я верил в себя и в Бога. Мы остались с ним вдвоем, и, кажется, оба лукаво отводили глаза. Он голубые, под седыми бровями, а я карие, крупные.

Наковыряв кучку ненависти в своей бессмертной душе, я решил воспользоваться последним, что мне оставили — мужской циничной

волей. Не смейте думать, что я фашист. Если вы так подумаете, то знайте: вам не достает образования. Я говорю с вами о другом и надеюсь на понимание. Постарайтесь понять. Напрягитесь. Вас не часто об этом просят.

Я точно знал, что мне нужно питаться. Это было тогда моим глубоким убеждением. Моей идеологией, если хотите.

В воскресенье я все обдумал, а в понедельник проник в квартирку соседнего дома, где жили какие-то богачи. Вот эти современные бездельники, заплывшие желтым жиром, одуревшие от блаженности бытия.

Знаете, ни один богач не смог мне объяснить даже примерно, откуда у него взялись деньги. Я думаю, что это элементарный сговор с сатаной и не больше.

В трешке они жили втроем: высокий мужчина, его женщина с рыжими волосами и их дочь. Благополучный средний класс, поднявшийся под облака, как дым, и пропавший в воздухе моего отечества.

Их дочери было около восемнадцати, она одевалась, как шлюха, и любила собирать волосы в пучок. Больше я о ней не знал ничего.

Я наблюдал за ними раньше и знал теперь, что в будни мужчина и его женщина уезжают куда-то на своем черном блестящем автомобиле, а дочь стабильно покидает квартиру после обеда. Думаю, она ходила куда-то совершенствовать свое тело, коллективно потеть в замкнутом пространстве.

В интернете я посмотрел обучающее видео о взломе дверных замков. Пару часов я тренировался на своей собственной двери. Засекал время.

Поначалу ничего вовсе не выходило, я злился и мечтал о том, чтобы эту чертову дверь попросту взорвать, но я совсем не смыслю во взрывчатке. Мне пришлось изучить строение разных замков — оказалось, что многие из них типичны, особенно те, которые врезают в двери богатых квартир.

В общем, знаете ли вы, что взломать дверь очень просто, имея под рукой довольно дешевые инструменты? Пара минут, а потом там что-то щелкает — и все. Дверь открыта.

Инструменты я купил на те деньги, которые были отложены у меня на оплату месячного существования в съемной квартире.

В понедельник, после обеда, я проник в чужую квартиру. Это было первое уголовно-наказуемое преступление в моей жизни, на которое я отважился. Думаю, драки не в счет.

Страшно было, но как-то не так, как Родиону Р. Я чувствовал себя проказником. Мальчишкой, пробуя жизнь и судьбу на прочность.

Старые кеды немного свистели, соприкасаясь с паркетом, мои локти цеплялись за вездесущую мебель, но я был спокоен.

Квартира поражала голодного вора. Все то, что я видел в фильмах, о чем говорила реклама, громоздилось там небрежно, непринужденно, органично. Квартира была похожа на торговый склад, из которого отлучились тощие менеджеры. Еще в ней было много напольных ваз без цветов, отчего квартира напоминала крематорий.

В этом жилище не было ничего дешевого. Даже состоятельный интерьер обычно портит какая-нибудь, оставленная из мещанских комплексов, дешевка. Тогда самое яркое впечатление меркнет из-за какой-то чепухи, оставленной хозяином из жадности. В логове же ограбленных мной людей подобных вещей не встречалось.

Технику я не брал. Не могу представить себя торгующим микроволновкой. Тем более, краденой. Я искал только деньги. У богатых они всегда имеются в огромном количестве. Они называют это «на черный день».

Наивные простаки, они даже не догадывались, что их сбережения могут быть отняты кем-то, у кого каждый день «черный».

В алой спальне пахло человеческим потом. Кровать была не убрана, простыня, сваленная как попало, ютилась на полу. Я наступил на ее шелк с наслаждением.

Одежда в шкафу пахла неземными, химическими запахами. Очень сладкими. Мне стало дурно от пестроты цветовой гаммы. Немой отряд платьев, курток и пальто смотрел на меня с издевкой. Одежда на вешалках походила на истлевшие души, которые вялят, чтобы те не сгнили.

Я был осторожен и берег свои следы, предпочитая оставить их со мной. Не шумел, не спешил. Передвигался по квартире легко и деловито. Как у себя дома, если бы он у меня был.

Исследуя квартиру, я считал комнаты: «Первая готова, идем дальше. Вторая...»

Я долго смотрел на бурую вазу в паутинке трещин — она была величественнее всех остальных. Видимо, скульптор отдал много часов своей жизни на то, чтобы достичь эстетического совершенства, работая над этой вазой. Его старания бросаются в глаза. Быть может, он потратил на нее и всю жизнь, а теперь я мог бы разбить ее одним ударом ноги.

Я не стал разбивать вазу.

Начищенная кухня, красный унитаз, кондиционер, как подбородок потолка, деревянные резные стулья, ужасно написанная картина — я не хотел бы жить здесь, уж поверьте. Мне было скверно. Душно и тесно. Хотелось все закончить поскорее, но суета была бы непростительной.

Деньги я нашел, в общем-то, быстро. Пачка разноцветных бумажек пряталась между книгами. Видимо, в одну книгу вся эта кипа денег не влезла.

В таких домах книги существуют исключительно для того, чтобы прятать пространство комнат или кипу денег.

Смешно то, что деньги эти лишенные фантазии люди сунули между кирпичиком Горького и крошкой Гаршина.

Сказать точную сумму? Немного. Чуть больше ста тысяч. Этих денег хватило бы мне на очень долгий срок моей монашеской жизни.

Я суну пачку в карман джинсов очень небрежно, ногами вверх и направился к выходу, но...

Конечно же, девчонка вернулась не вовремя и уже отпирала запертую чужой рукой дверь.

Я улыбнулся от мысли, что прятаться нужно в шкаф. Анекдот почти.

— Да чтоб тебя! — послышался сдавленный голосок недовольной девочки, отвыкшей от бытовых сложностей.

Ее возмущало то, что жизнь подкинула ей препятствие. Поврежденный замок теперь скверно работал.

Я спрашивал себя: «А она заметила черную старую сумку с инструментами справа от двери?» Я специально бросил ее там, чтобы в случае чего при мне не нашли инструментов. Я немного разбираюсь в уголовно-процессуальном праве.

Легко, как ангел, гонимый райским сквозняком, я метнулся в деревянный шкаф, укрылся синим платьем с рюшками, сел на пузатый чемодан и замер. Существование в шкафу оказалось забавным, я ощущал себя героем фильма «Синий бархат».

Девушка вошла в квартиру и не заметила постороннего присутствия. Ох уж эти мне беспечные люди! Как легко они живут, как мало замечают! Поверни голову, посмотри, я же рылся в банках на кухне, глянь, дверца тумбочки раскрыта, ну, посмотри же, зайка, кресло не так стоит!

На носочках, будто танцую, она прошлась по комнате, взглянула на себя в зеркало и застыла. Видимо, что-то все-таки она почувяла. По-

вертела головой, распустила волосы, взяла заколку в рот, расчесалась и снова собрала кипу здоровых волос в пучок. Улыбнулась сама себе и опять застыла, любуясь.

Но вот, устав от собственного отражения, белокурая невеста свалилась на кровать, развела длинные ноги и выдохнула. Немного полежав, она стянула с себя белую майку и швырнула ее на пол.

Жарко молодому телу, кожа задыхается под майкой, требует первобытной раскрепощенности.

Она сообразила, отыскала круглый пульт и врубила кондиционер. Тот зашумел, давая мне шанс ухватиться кончиками пальцев за потный нос. Он предательски зудел.

Мне не было противно. Было даже как-то смешно. Вот лежит полуголая девица-мечтательница. Лежит и не знает, что я на нее смотрю. Она никогда бы не разделась перед таким, как я. (Кстати, джинсовые шорты она тоже стянула и была теперь лишь в черных трусах и почему-то белом бюстгальтере).

Такая девица никогда бы не полюбила меня. Таких, как я, она не замечает, мы для нее — тени города.

Зря. Я умен и образован, со мной приятно говорить, потому что я не говорю о себе. Я смел и мечтаю о подвиге во имя человечества лет с шести. Я имею устоявшийся набор моральных качеств, не позволяющих мне портить жизнь окружающим. Наконец, моя воля к жизни так велика, что я способен позволить себе гнусности и преступления.

Этот богатый набор человеческих качеств теперь редкость, а потому я смею претендовать на индивидуальность.

Все мужчины, которых она знает, такое не смогли бы даже сформулировать. Что ж, имущественное положение определяет инстинкты — я в этом убежден. Ведь я не нужен ей, когда я беден, а будь я богат — я бы обошелся без нее.

Иногда она гладила себя по глянцевой коже ног, иногда терла ногтем бородавку на бедре, но вдруг волна мучительного озноба пробежала по ее радостному личику, не обремененному трудом мышления. Привычным воровским движением она стянула с бедер трусики по щиколотки, устроилась удобнее и выдохнула, как перед рюмкой самогона.

Мне было видно все, причем очень хорошо. Я различал тонюсенькие красные полосы на животе от трусиков, трещины на припухлых губах, высыхающую крупинку слезы, в уголке глубоко сидящего глаза, да и всю ее нелепую позу, напоминающую телегу без лошади.

Зачем вам знать, что было дальше. Скажу лишь, что было это очень долго и тяжело. Бедняжке пришлось постараться. Ей все время что-то мешало, что-то сбивало ее с толку. Она хмурила загорелый лоб, нервно, как скрипач, дергала головой и опять сосредоточивалась. Ей не нравилось, что у нее не получается быстро. Казалось, что-то похуже на набегающую морскую волну колыхалось в ней.

«Так может продолжаться вечно, — думал я, не сводя с нее глаз. — Зажравшаяся бездельница! Сучка беззаботная! Мне жрать нечего, я пью голый некрепкий чай второй день».

Истекший потом, я чувствовал, что синее платье, которым я укрылся, промокло и потому отяжелело. Хотелось пить и дышать глубоко. Смотреть на происходящее не было мочи. Я сосредоточился на единственном, что еще мог выдержать — на полоске бюстгальтера, который впился в ее розовое тело и промок, став серым.

Наконец все обрушилось в бездну, затихло и онемело. Пространство перестало пахнуть и звучать. Я даже ощутил холодок, какой бывает, когда выйдешь из горячей ванной в холодный коридор хрущевки в феврале.

Мне хорошо было ее видно, когда она отвернулась от меня и легла, свернувшись калачиком. На меня смотрела женская спина, покрытая мурашками.

«Вид, подобный моему, обречен на вымирание. Таких, как я, не должно быть в этом мире. Природа вытесняет нас, выбрасывает за рамки бытия. Отказывается от нас, как от уродливых детей, зачатых преступно. Мы ненавистные и противные, мы неудобные, мы слишком хорошо все различаем и понимаем, мы воняем и гнием, дрожим, фыркаем. Вечно мы всем недовольны. Всегда наше счастье недостижимо. Мы опухоль, и все здоровое на нашем пути заражается и умирает. Я то, что ненавидят, я то, чего сторонятся. Господи, ну за что?»

Я стирал пот синим платьем со лба и размышлял о том, что меня найдут именно по этому, оставленному потовому следу.

Я смотрел на нее в щель и не верил, что она когда-нибудь уснет, но она уснула. Дыхание, которое я определял по раздуванию спины, стало ровным и легким. Стало покойным.

Это обнаженное существо перестало быть разъяренной девкой. Оно стало ребенком. Частично завернутая в простыню, она больше не волновала, а наоборот, успокаивала. Лицо, которое она развернула ко мне во сне, приобрело смиренное выражение, а тело обмякло.

Я подождал еще немного, а потом осторожно выполз из шкафа. Ушел, не оставив от себя ничего. Ничего, кроме густого мутного пота на синем платье.

Сидя в шкафу, иногда я представлял, как убью ее, как сяду на нее сверху и ударю чем-то тяжелым. Полкой шкафа, например. Это была бы месть во имя всего страдающего человечества. Классовый реванш. Патриархальный рецидив. Жертвоприношение. Я явственно видел кровь, струящуюся из-под ее белых волос, чувствовал запах ее трусливого тела, но все это было лишь игрой моего воображения. Я не смог бы убить ее. Даже толкнуть ее. Даже спорить с ней.

Все потому, что она не виновна. Ни в чем. Весь мир виноват передо мной, а она нет.

Приготовившись для жизни беспечной, уютной и долгой, она не свершила еще бесконечного зла. И руки ее, и ноги невинны. И шея, покрытая жил синевой, и глаза, под веки уплывшие, и загрубевший ее локоток — все было невинно. Быть может, в душе ее ад пустоты, и помыслы, может, ее все пошлы, но нет ничего, что я мог бы отнять. Она не виновна. Так пусть же проснется.

Я ел жареное мясо. Свою вонючую свинину. Она досталась мне по праву. Я отвоевал ее и никому не причинил зла. Но в дверь стучат. Дверь ломают. Меня хотят лишиться свободы за то, что теперь я ем. Ем краденое.

Условия этого мира никогда мне не нравились, но теперь я точно знаю, что установлены они специально для таких, как я.

Я доел своей ужин и стер свиной жир с губ краем майки. Запил вином.

— Сейчас! — крикнул, я и нервный шум за дверь прекратился.

Ливень за окном ослабел, и шорох города опять ворвался в открытое окно.

Я взглянул на себя в зеркало, похудевшего, но сытого, натянул улыбку по размеру зубов и отпер дверь.

— Ах ты, сука! Ты что же это себе позволяешь! Щенок! Ты с людьми живешь или как?! Скотина! Ну, ничего, сейчас ты получишь! Ты тут без сознания, что ли?

Меня втокнула в квартиру легкая, почти нежная рука. Я попятился и наконец-то рассмотрел посетителя.

Соседка из нижней квартиры, полная, светловолосая тетка, прошагала мимо меня в сторону ванной комнаты, придерживая полы

цветастой юбки. За ней вился аромат прокуренной квартиры. Когда она отворила дверь в ванную, то гигантская масса воды хлынула в коридор и мгновенно омыла мои босые ноги.

Я уселся на пол и захохотал.

